

*Являй смелей, являй победней
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней,
Будь мрамором и медью будь!*

Валерий Брюсов

ВСТУПЛЕНИЕ

Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому братья за перо — вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте.

Михаил Булгаков.
Записки покойника

Фамилию Брюсов знают все образованные люди, но многие ли читали его произведения за пределами антологий, хрестоматий и прочих массовых изданий? Не потому что «ленивы и нелюбопытны», а потому что Брюсов до сих пор не издан сколько-нибудь полно. В самом объемном из доступных, сиреневом семитомном собрании сочинений 1973–1975 годов цензура не пропустила около полусотни стихотворений даже из прижизненных авторских сборников. Сегодня все крупные поэты Серебряного века изданы лучше, чем он. На какого цензора это свалить?

Нельзя сказать, что о Брюсове писали мало. О нем высказались почти все именитые современники — от Владимира Соловьева до Владимира Ленина, включая Николая Михайловского, Николая Гумилева и Николая Бухарина. Получается замечательная антология, но ее никто не собрал и не издал. Не собраны и воспоминания о нем. Материалов к биографии опубликовано много, а биографии не было. Были только «очерки детства и творчества», где краткие сведения о жизни играют роль довеска к филологическому анализу. «Написать биографию Брюсова сложнее, нежели написать очерк его творчества, — констатировал в 1973 году исследователь русского символизма Л.К. Долгополов. — Жизненный путь Брюсова сложен и противоречив. Он изобилует такими резкими поворотами, такими резкими изменениями симпатий и антипатий, общественных взглядов и политических позиций, какими, пожалуй, не может похвастаться ни один из его современников» (1).

Незадолго до смерти, в статье «Без божества, без вдохновения» Александр Блок писал: «Так же, как неразлучны в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, обществен-

ность, даже — политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры» (2). О том же говорил и Брюсов: «Всеобъемлющий гений Пушкина охватывал все стороны духовной жизни его времени: не только интересы искусства, в частности — поэзии, но и вопросы науки, общественной деятельности, политики, религии [...] И вся эта разносторонняя деятельность образует стройное целое, потому что отражает единое мирозерцание, составляет различные проявления единой, цельной личности великого поэта... Как сочинения Пушкина, так и его убеждения — это живой организм, из которого нельзя изъять одну часть, не повредив целого. [...] Пушкина должно принимать в его целом, и только тогда получаем мы в полноте грандиозный облик нашего национального гения» (3). Сказанное применимо и к нему самому.

Эта книга — первая биография Брюсова, описание его жизни и отношений с друзьями и врагами в контексте эпохи. В очерке «Конец Ренаты» Владислав Ходасевич заметил: «Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной. [...] Внутри каждой личности боролись за преобладание “человек” и “писатель”» (4). Как быть с этим единством «двух в одном»? Вадим Крейд утверждает: «Без знания жизненного пути многие стихи теряют часть своего содержания. На биографию можно взглянуть как на комментарий к стихам, тогда понятнее становится творческое развитие» (5). В нашем случае наоборот: произведения, мемуары, дневники, письма Брюсова и его современников — материал для жизнеописания, требующий критического подхода.

Описание жизни Брюсова день за днем может занять много томов. Автор лучше, чем кто бы то ни было, сознает, что смог охватить далеко не все, ибо нельзя объять необъятное: всегда найдется незамеченный мемуар, письмо, слух. Но надеется, что не упустил ничего принципиально важного и не исказил облик героя, причудливо двоившийся уже в восприятии современников. Возлюбленная поэта Нина Петровская была права, написав в 1923 году: «Будущим литературным летописцам придется покорпеть, чтобы из всех этих шлаков восстановить истинный его образ» (6).

Настоящая биография Брюсова впервые увидела свет в 2010 году в издательстве «Вита Нова» и была тепло принята читателями. Необходимости перерабатывать книгу не

возникло, но автор дополнил и местами исправил написанное. Для удобства чтения в цитируемых текстах сокращения, содержание которых не вызывает сомнения, раскрыты без дополнительных обозначений. Все даты до 1/14 февраля 1918 года приводятся по старому стилю; даты писем, отправленных из-за границы, по старому и новому стилям.

В работе, занявшей много лет, мне помогали десятки людей: историки и филологи, архивисты и букинисты, музейщики и издатели, художники и редакторы — перечислить всех не представляется возможным, но я глубоко признателен всем. Особая благодарность А.В. Бурлешину, принявшему на себя, как и в первом издании, труд научного редактора, А.С. Александрову и А.Ю. Сергеевой-Клятис, прочитавшим рукопись. Моя жена О.В. Андреева поддерживала меня на всех этапах работы. Ответственность за возможные упущения и ошибки целиком лежит на авторе.

Василий Молодяков
9 октября 2018,
Токио

Книга первая

ХОЛОД УТРА

(1873—1897)

Погребенных воскресенье
И среди глубокой тьмы
Петуха ночного пенье —
Холод утра — это мы!

Дмитрий Мережковский

Глава первая
«МЕЧТАЮЩИЙ О СЛАВЕ И ПОБЕДАХ»

1

Молодой Брюсов начал рассказ о себе в написанной летом 1900 года, но оставшейся незаконченной повести «Моя жизнь», с неожиданной для декадента фразы: «По происхождению я — костромской крестьянин». Та же тема в стихотворении «Не память...», созданном за год до смерти:

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич...
И (клич сквозь ночь!) я снова, где-то, —
Все тот же старый костромич.

Это не рисовка, но стремление подчеркнуть свое отличие от собратьев по символизму — выходцев из дворянских семей, видевших деревню помещичьими глазами. Брюсов — внук крестьянина, ставшего купцом и переселившегося в город, — деревни не знал, но «старым костромичом» в себе гордился.

Дед Валерия Яковлевича по отцу, Кузьма (Козьма) Андреевич Брюсов (1817–1891) родился крепостным крестьянином помещицы Федосьи Алалыкиной, владевшей землями в Карцевской волости Солигаличского уезда Костромской губернии. В семейном архиве сохранилось письмо барыни Кузьме Андреевичу от 27 мая 1845 года из деревни в Москву, которое внук приложил к «Моей жизни» как документ эпохи — и самый ранний из известных нам письменных источников по истории рода Брюсовых. Речь в нем идет о выкупе из крепостного состояния, в чем ему помог московский купец Смирнов (1). О жизни деда мы знаем главным образом со слов внука, который основывался на рассказах и записях отца: «Слышал, что в молодости

он был печником. Старший брат его (кажется) нажился в Кронштадте (то есть был отпущен на заработки. — *В.М.*) и, умирая, оставил ему маленький капитал, на который он и начал торговлю пробками. [...] Особенно помогли ему годы Крымской войны. В те времена в России еще не было пробочных фабрик, пробки надо было привозить из-за границы морем, а все порты были в блокаде. Дед рискнул выписать товар на свой собственный страх через Архангельск; товар дошел, и он мог брать за него любую цену. В [18]60—[18]70-х годах пробочная торговля К.А. Брюсова была единственной в Москве, обороты доходили до 90 000 в месяц». Жаль, из конторских бумаг почти ничего не сохранилось.

Фирму Брюсовых знали не только в торговом мире. Вспомнили о ней насмешники-футуристы, поглумившиеся над происхождением Валерия Яковлевича в манифесте «Идите к черту» (1913): «Василий Брюсов привычно жевал страницами “Русской мысли” поэзию Маяковского и Лившица. Брось, Вася, это тебе не пробка!..» Бенедикт Лившиц вспоминал: «Василий — не опечатка, а озорство: поэт любил свое имя, вводил его в стихи, злоупотреблял его благозвучием [...] Ладно — назовем его в таком случае Василием! Пробка — тоже неспроста; это — намек на принадлежащий Валерию Яковлевичу, а может быть, и никогда не существовавший, пробочный завод» (2). Насчет пробочного завода Лившиц только «слышал звон», а вот с именем угадал, хотя и случайно: первая публикация десятилетнего Валерия — письмо в редакцию детского журнала «Задуманное слово» в 1884 году — по ошибке оказалась подписана «Вася Брюсов».

Кузьма Андреевич «был крепкого здоровья, бодр до глубокой старости. Пока торговлей распоряжался он, дело шло так или иначе, несмотря на сильную конкуренцию, развившуюся за последние годы. Образ жизни до конца дней своих он вел самый простой. Ели у него из общей чашки. Обед ограничивался щами да кашей; редко прибавляли жаркое, котлеты. Читать он умел и охотно перечитывал разрозненный том Четьи-Миней и еще какие-то издавна бывшие у него книги. Писать он так и не научился, лишь с трудом, каракулями подписывал свою фамилию. Бабка моя, его жена, Марфа Николаевна (ошибка Брюсова; следует: Никоновна. — *В.М.*), перед ним не смела возвышать голоса, но далеко не была женщиной запуганной и дом держала строго». Некоторое представление об этом дает коллективное послание к ней членов семьи, начинающееся: «Милой

моей сожительнице Марфе Никоновне от сожителя твоего Козьмы Андреевича свидетельствую мое искреннее почтение и желаю доброго здоровья и всякого благополучия. Милой нашей и неоцененной мамаше от детей Ваших Якова, Дарьи и Лизаветы Козьминых и Александра Ивановича (муж Д.К. Губкиной, урожд. Брюсовой. — *В.М.*) свидетельствуя Вам наше сердечное искренно-любящее почтение вместе с тем просим у Вас наше заочное родительское благословение и посылая вам несчетное число поцелуев, желаем Вам всякого благополучия и молим всевышнего творца, чтоб сохранил он Ваше неоцененное для нас здоровье».

Расторговавшись, Кузьма Брюсов в 1877 году купил — «кажется, не без некоторой коммерческой хитрости» — каменный дом на Цветном бульваре (дом 22 по современной нумерации). «Местность эта была тогда еще довольно пустынная, — вспоминал внук. — На бульваре были постоянные балаганы, вторая половина бульвара только что разбивалась. Самотечный пруд еще не был даже огорожен. Но местность застраивалась и заселялась быстро». Рассказов о доме сохранилось много, причем они, как водится, не просто различаются, но порой противоречат друг другу. Собрав их, А.Л. Соболев затем изучил кадастровый план и дал четкое описание, которым мы и ограничимся:

«Земля, на которой был построен дом, имела официальный адрес: “Сретенской части участок за № 24 по проезду Цветного бульвара”. [...] Он имел площадь в 1260 квадратных сажень — в нынешней терминологии около 57 соток. Форма его была клиновидной; в широкой части, выходящей на Цветной бульвар, располагался главный дом; в сужающемся фрагменте — сараи и служебные помещения, всего четыре строения. Дом был одноподъездным; двухэтажным со стороны бульвара и трехэтажным со двора. На фасаде — восемь окон по первому этажу, восемь — по второму; посередине, над входной дверью, был балкон с ажурной решеткой, поддерживаемый двумя колоннами» (3).

Опасаясь мотовства сына, Кузьма Андреевич завещал дом внукам Валерию и Александру с условием не продавать его до достижения старшим из них, Валерием, тридцатипятилетнего возраста, то есть до декабря 1908 года. С начала 1900-х годов дом был преобразован в доходный с восемью квартирами, из которых сдавались шесть. Управляла домом Иоанна Матвеевна Брюсова, жена Валерия Яковлевича. Они занимали одну из оставшихся квартир; в другой жили родители с дочерьми, до выхода двух из них замуж.

Наконец, 22 июня 1910 года внуки продали дом за 65 тысяч рублей Александру Робертовичу Герценбергу, владевшему соседним зданием, и разъехались. Валерий Яковлевич и Иоанна Матвеевна сняли у купца Ивана Баева квартиру в первом этаже дома 32 по Первой Мещанской улице (ныне проспект Мира, 30) — где прожили до смерти; сейчас там Музей Серебряного века.

Старый дом не уцелел, хотя «в статусе жилого [...] почти без ущерба пережил труднейшие годы истории отечества. В 1978 году неравнодушный свидетель (журналист О. Точеный. — В.М.) писал: “Дом Брюсовых на Цветном бульваре неплохо сохранился до наших дней, он выглядит сейчас почти так же, как и столетие назад. Можно только сожалеть, что исчез ажурный металлический балкон, находившийся на уровне второго этажа дома, над парадным входом. Думается, что пришла пора восстановить его, благо, что сохранились старинные фотографии здания”. Последние же десятилетия оказались для него фатальными: в конце 1990-х годов дом был снесен и заменен своим не слишком похожим подобием. Балкончик, впрочем, вернули» (4).

У Кузьмы Андреевича и Марфы Никоновны было трое детей — сын Яков и дочери Дарья и Елизавета. В 1855 году, когда Якову исполнилось семь лет, «тятенька» отдал его «в частный пансион, платя за обучение по 2 рубля в месяц. Там мальчик оставался в течение полутора лет, после чего его знания мой дед, — вспоминал Александр Брюсов, — счел достаточными для ведения торговых книг, и с 9 лет мальчик стал бесплатным конторщиком в деле Кузьмы Андреевича» (5), помогая грамотному дяде Петру Андреевичу. С десяти лет Яков пытался вести дневник, но записывать было нечего, разве что «Рубили капусту в дождик» (запись повторялась в октябре, из года в год) или «1858 года в августе начала ходить на небе комета звезда с хвостом и кончилась в 1 числа октября».

Записи и рассказы отца послужили Валерию Яковлевичу материалом не только для автобиографических страниц, но и для «повести из жизни 60-х годов» «Обручение Даши» (1913) и оставшегося в набросках романа «Стеклянный столп», над которым он работал в годы Первой мировой войны (6). Яков Брюсов стал прототипом главного героя повести — честного и неискушенного Кузьмы Русакова, которому «в привычной полутьме отцовской лавки, где уже третье поколение торгует бечевой, веревками, канатом, вязкой [...] мечталось легко и привольно». Юношей вол-

новали одни и те же проблемы: «С папенькой об чем разговаривать? Он, кроме жития святых да старинного описания Макарьевской ярмарки, ничего не читал, а о Тургеневе (время споров о романе «Отцы и дети». — *В.М.*), понятно, не слыхивал. Да и один у него сказ на все: ”Ты, Кузьма, дурак, твое дело — бечева, а не книги!”... Мысли Кузьмы были прерваны окриком отца: “Что ворон считаешь, Кузьма! За дело взялся, так, того, в дело и смотри. Эдак ты ложку мимо рта пронесешь”. Вздыхнув, Кузьма вернулся к товарной книге. “Четырехшнуровых по двадцати сажен столько-то, шестишнуровых по десяти сажен столько-то, двойных трехшафтовых столько-то пудов...”».

Яков Кузьмич самостоятельно выучил латинскую азбуку и с апреля 1862 года начал вести ей дневниковые записи, которые никто в доме не мог прочитать. Первая тетрадь озаглавлена: «*Moi Journal ili dnevnic Jaca Casmina Brusova. Se 1862*» (такой же дневник вел Кузьма Русаков). «Латинскими буквами дневник заполнялся до тех пор, пока у Я.К. Брюсова не появилась шкатулка с ключом, куда можно было спрятать дневник от посторонних глаз. [...] Последние записи относятся к октябрю 1866 года. [...] Говоря о “быте Островского”*, в котором вырос и нравственно сформировался отец поэта, надо иметь в виду, что в семье Брюсовых, по-видимому, не было жестокости. [...] Ни об одном серьезном конфликте с родителями Яков Кузьмич в своем дневнике не пишет ни разу. Стеной, о которую разбивались многие стремления и упования молодежи, была скупость отца. Оказалось невозможным, например, брать уроки французского языка и танцев, пришлось оставить занятия в хоровом классе пения, с трудом приходилось убеждать родителей сделать детям выходные туалеты, чтобы можно было пойти в гости по приглашению. [...] “Все у них (то есть у отца, уважительно именуемого во множественном числе. — *В.М.*) обыкновенный ответ, что «танцы пустяки, от них денег не получишь»”. [...] Но разговоров о жесткости, страха наказания и т.п. в этом дневнике нет абсолютно. Дети, в общем-то, были предоставлены сами себе» (7).

Это обстоятельство сыграло большую роль в жизни как отца поэта, так и его самого. Яков Кузьмич вырос в атмосфере «темной», но человеческой: духовной близости с отцом у него не было, но было уважение, а в зрелые го-

* В «Моей юности» Брюсов охарактеризовал семью деда как «быт, запечатленный Островским».

ды — взаимопонимание. Отсутствие насилия и жестокости в собственном детстве в сочетании с прогрессивными увлечениями юности сделали из него гуманного и терпимого отца, возможно, даже несколько легкомысленного. Валерий Яковлевич тоже рос, предоставленный самому себе, и, несомненно, любил и уважал Якова Кузьмича, который, в отличие от Кузьмы Андреевича, старался если не жить интересами сына, то уважать и понимать их. Закоренелый «шестидесятник», он получал все декадентские журналы, читал и даже не брался.

Тяга к литературе — не только к чтению, но и к сочинительству — у Валерия Яковлевича тоже от отца. «В 1865 году Я.К. Брюсов вместе со своим товарищем И.П. Смирновым приступает к изданию рукописной газеты “Эхо” и журнала “Свобода”. [...] Программа газеты очень широка. В ней предполагалось 11 разделов. Среди них: политика; обзор русских и иностранных журналов и газет; статьи о науке и искусстве; стихи и проза; сатира и юмор; библиография и критика и т.д. Практическое исполнение этого замысла, конечно, очень наивно и примитивно. Все статьи, стихи и рассказы писали Я.К. Брюсов и И.П. Смирнов, — разумеется, на уровне очень малой культуры и образованности. Но тяга к образованию, общий “культуртрегерский” пафос этих “изданий” двух молодых людей, стремление их стать выше своей среды — беспорны» (8). С незначительными оговорками сказанное можно применить к детским и гимназическим «журнальным» опытам Валерия Яковлевича, речь о которых впереди. Менялось время — менялись темы и уровень знаний, но пафос и настроение оставались прежними.

Юношеские записи Якова Кузьмича «очень подробны и обстоятельны, очень наивны и вместе с тем часто ярки, почти пластически выразительны: “Мы сели в вагон. Я с Лизой рядом, а визави у окна Маргерит: контр-визави около нас поместились замоскворецкие типы толстых купчих, между ними замешалась хорошенькая барышня лет 17-ти, тоже из купеческого быта; когда поезд тронулся, все они, не исключая и мадемоазель, перекрестились большими крестами”. [...] Очень колоритен язык дневника, представляющий собой смесь купечески-мещанской речевой стилистики с вкраплениями иноязычных слов, которые для автора дневника очень важны, так как использование их есть для него признак высшей культуры, к которой он тянется изо всех сил» (9). Велико искушение применить последние сло-

ва к французским и латинским заглавиям первых поэтических книг Валерия Яковлевича...

В четырнадцать лет Яков Кузьмич читал Загоскина и Поля Феваля, в шестнадцать — Гоголя, Тургенева и Достоевского: двух последних — как новинки текущей литературы (дело происходило в 1864 году). Отмечу еще одну черту сходства между отцом и сыном, старшими из детей в семье: Яков Кузьмич пытался руководить образованием и чтением сестер; Валерий Яковлевич был первым учителем своих сестер и продолжал уроки даже в переписке, когда уезжал из Москвы*. «Обычно такие затеи братьям мало удаются», — заметила его жена Иоанна Матвеевна (10). Она вряд ли знала, что Елизавета Брюсова (которая читала даже Герцена и Лас-саля в анонимных и запрещенных изданиях) писала любимому брату Якову в 1873 году: «Ты сам хорошо знаешь, чем ты был для меня целых двадцать лет». То же самое могли сказать — и говорили — сестры о Валерии Яковлевиче.

Яков Кузьмич и его товарищи увлекались романом «Что делать?» и в 1869 году создали по его примеру «Модную мастерскую, основанную на началах ассоциации» и «Частную сберегательную кассу»; правда, через несколько лет оба предприятия прогорели (11). Осенью 1899 года, просматривая в библиотеке Исторического музея старые журналы, роман прочитал его сын-декадент. «Во мне есть пути, на которых я схожусь с крайностями шестидесятых годов, — писал он тогда Ивану Коневскому. — Я люблю их буйство и ниспровержение всех кумиров, разрешение всяческих свобод» (12). Языком Чернышевского — как языком времени — Яков Кузьмич объяснялся в любви своей будущей жене Матрене Александровне Бакулиной: «Если бы Вы даже не любили меня, то я все-таки люблю и буду продолжать любить Вас, может быть той любовью, которой любит Лопухов Веру Павловну даже тогда, когда она его разлюбила. [...] Если Вы не любите меня, неужели мы прервем свои сношения или переменим что-либо в своих отношениях — мы причисляем себя к новым людям, неужели на этом споткнемся?»

* Младшие братья и сестры: Николай Яковлевич (1877–1887); Надежда Яковлевна (1881–1951) — музыковед, профессор Московской консерватории; Евгения Яковлевна (в замужестве Калюжная) (1882–1977) — преподаватель Московской консерватории; Александр Яковлевич (1885–1966) — археолог, профессор, в молодости выступал как поэт и переводчик; Лидия Яковлевна (в замужестве Кисина) (1888–1964) — химик, профессор.

Матрена Бакулина, как писала ее невестка, «в [18]70 году покинула Елец, где воспитывалась как “барышня” у тетки-купчихи, приехала в Москву, сняла с шеи крест, остригла волосы, поступила на службу, повела знакомство с молодежью, стремившейся, как она сама, к образованию и отчасти к развлечению, устроилась на тех же курсах, что и молодой купец Яков Брюсов» (13). О курсах сказано не совсем верно — речь идет о кружке самообразования, в который входили Яков и Елизавета Брюсовы, Матрена Бакулина и ее сестра Зоя, а также образованный и бойкий Г.С. Михайлов, который в 1874 году женился на Елизавете. Надежда Брюсова считала его прототипом Аркадия Липецкого из «Обручения Даши», но сходство может быть только очень отдаленным: в частности, между ним и Яковым Кузьмичем не было никаких заметных столкновений. Елизавета Брюсова умерла в 1879 году в Ялте от скоротечной чахотки (14).

В 1871 году Яков Кузьмич вопреки воле отца поступил вольнослушателем в Петровскую сельскохозяйственную академию, но через год был вынужден оставить ее, поскольку не имел законченного гимназического образования. В январе 1872 году он пошел на новый конфликт — женился. «Родители уже выбрали ему невесту из купеческой семьи с подходящим состоянием. Но он задумал жениться по своему выбору. Мать моя была из семьи очень небогатой, у нее было пять сестер и шесть братьев, так что ни на какое наследство надеяться было невозможно. [...] На этот раз дело дошло до полного разрыва. Отец ушел из семьи, нашел место в суде на 20 р. в месяц. Он рассказывал мне, с каким внутренним самоудовлетворением отказывался он от взяток и благодарностей. Впрочем, [служба отца] продолжалась не долго. Дед, до безумия любивший своего единственного сына, Яшу, сам пришел к нему мириться. Отец вернулся в прежнее дело». Уже в марте 1873 года он принял на себя руководство пробочной торговлей Кузьмы Андреевича — неохотно, но понимая, что без формального образования другой работы не найти. Тоскуя, он пристрастился к вину. После смерти отца и раздела его наследства, Яков Кузьмич передал дела фирмы более предприимчивым родственникам и жил на проценты с капитала, которые стали основным источником существования и для его детей на многие годы.

Второй дед будущего поэта Александр Яковлевич Бакулин (1813—1894) являл собой полную противоположность

Кузьме Андреевичу. Он родился в Ельце в состоятельной купеческой семье, потерявшей значительную часть состояния в 1840-е годы, в том числе из-за разрушительного пожара. Александр Яковлевич арендовал мельницы и имения, где хозяйством занимались его многочисленные дети от двух браков, и был принят в домах соседей-помещиков почти на равных. В юности он однажды видел Пушкина, о чем с благоговением вспоминал до конца жизни, поскольку главной его страстью была литература. «Он писал лирические стихи, поэмы, повести, романы, драмы, — сообщает внук, — но особенно сильным считал себя в баснях. Воспитывавшийся еще в Пушкинскую эпоху [...] он признавал только Державина, Крылова, Пушкина и поэтов Пушкинской плеяды; уже к Лермонтову (своему погодку. — *В.М.*) он относился несколько пренебрежительно, “новых” же поэтов, как, например, Фета или Полонского, он отрицал совершенно. Кое-что из своих произведений деду удавалось пристроить в разные мелкие издания, а в 1864 году он даже издал отдельной книжкой свои басни (под псевдонимом “Басни провинциала”*)». Александр Яковлевич входил в Суриковский литературно-музыкальный кружок писателей-самоучек и участвовал в его сборнике «Рассвет» (1872).

«Дед обычно целые дни проводил за письменным столом, исправляя свои старые сочинения и неустанно испуская новые груды бумаги. Сыновья и дочери, конечно, подсмеивались над тем, что считали чудачеством отца, но дед до конца жизни ждал, что его, наконец, оценят по справедливости, и умер с уверенностью, что придет когда-нибудь его день, и Россия поставит после имен Державина, Крылова и Пушкина равное им имя — Александра Бакулина». Благодарного слушателя непризнанный баснописец нашел лишь на старости лет: «Дед первоначально любил меня, посвятил мне одну сказку и длинное стихотворение “Волки”. Позже он интересовался моими литературными опытами и отстранился от меня окончательно лишь после появления первого выпуска “Русских символистов”». Александр Яковлевич умер в январе 1894 года, до выхода первого выпуска, но мог читать неопубликованные стихи внука-декадента или слышать их от него. Внук написал о нем трогательный рассказ «Голубочки — это непорочность» и статью «Стихотворения и басни А.Я. Бакулина» (15), при-

* Имеется в виду анонимное издание под таким заглавием, вышедшее в Москве.

ведя образцы его творений, и даже подписывался «В. Бакулин». Приведу одну из многочисленных басен непризнанного поэта, которые он сам распределил по двенадцати книгам, «Волы и молодая Кобылка»:

Волы везли тяжелый воз.
Кобылка молодая,
По выгону гуляя,
Завидя их, заржала: «Вот курьез,
Вот смех! Смотрите-ка: в упряжке!
Да как послушны, как идут!»
А утром, глядь, самой бедняжке
Пришлось примеривать хомут.
Смеялся бы Волам Орел иль Сокол птица.
Ну... те летают в высоте.
А то смеется кобылица,
Чья мать и чей отец ходили в хомуте.

2

Валерий Яковлевич Брюсов родился в Москве 1 декабря 1873 года, под знаком Скорпиона, в доме армян Херодиновых (Милютинский переулок дом 14). Крестили его в ближайшей церкви Евпла архидиакона на углу Милютинского и Мясницкой (разрушена в 1926 году). Сохранившаяся метрическая справка гласит: «В метрической книге Московской Евпловской, что на Мясницкой, церкви тысяча восемьсот семьдесят третьего года № 16-й писано: Декабря второго числа (так! — *В.М.*) родился Валерий, — крещен 6-го числа, родители его: Московский 2-й гильдии купеческий сын Мясницкой слободы Яков Косьмин Брюсов и законная его жена Матрона Александровна, оба православного вероисповедания, восприемники были: Лебедянский второй гильдии купеческий сын Яков Александрович Бакулин и Московская 2-й гильдии купеческая дочь девица Елизавета Косьмина Брюсова, крестил священник Димитрий Добронравов с причтом» (16). Жизни в Милютинском переулке Валерий Яковлевич помнить не мог, потому что через год с небольшим после рождения первенца Брюсовы переехали в дом Бари на Яузском бульваре (дом 10), где прожили более трех лет. В отличие от Андрея Белого, он не уверял, что осознал себя чуть ли не в утробе матери: «Помнить себя я начинаю лет с четырех, а что было до тех пор, отчасти знаю по рассказам».

О своем детстве Брюсов рассказал с юмором, передавая дух времени, захвативший родителей: «Они с жаром предали моему воспитанию, и притом на самых рациональных основах. Начали с того, что меня не пеленали вовсе. Я мог барахтаться сколько угодно и наперекор старорусскому убеждению нисколько не вышел искривленным. Кормила меня мать сама, конечно, по часам. Игрушки у меня были только разумные. [...] Родители мои очень низко ставили фантазию и даже все искусства, всё художественное. Им хотелось избрать своим кумиром Пользу. Поэтому мне никогда не читали и не рассказывали сказок. Я привык к сказкам относиться с презрением. Впервые прочитал я сказки лет 8-9-ти; тогда как читать научился я 3-х лет от роду, а любил слушать чтение еще раньше». «Если мы сами вышли ни то, ни сё, то пусть наши дети будут настоящими людьми», — писал Яков Кузьмич жене, пояснив в другом письме, когда любимому «Вальке» было всего девять месяцев: «Я не хочу, чтобы он вынес из своего детства обыкновенные обыденные впечатления с предрассудками».

Летом 1877 года Брюсовы, в семье которых только что родился второй сын Николай, отправились в Крым: первое путешествие в жизни Валерия. «Море и скалы, “царственные виды соседства гор и вод Тавриды” сразу обольстили мое детское воображение. [...] В памяти у меня остались лишь разрозненные отрывки впечатлений этого лета: запомнилась почему-то, и вполне отчетливо, Ореанда; запомнились стены севастопольских домов, на которых тогда еще показывали следы ядер и пуль Крымской войны; запомнилась бурная ночь, когда ветер срывал ставни на ялтинских домах, а в море затонуло немало рыбацких баркасов».

В 1878 году на Яузском бульваре у Брюсовых, незадолго до их переезда на Цветной бульвар, бывал революционер-народоволец Николай Морозов, будущий узник Шлиссельбургской крепости, почетный академик и автор «новой хронологии». Яков Кузьмич в революционном движении не участвовал, но считал делом чести помочь товарищам, если тех преследовали власти. Морозов сажал хозяйского сына «на свое колено и качал, предлагая мне воображать себя скачущим на лошади», но маленький Валерий вряд ли это запомнил. В марте 1910 года он записал в дневнике: «Познакомился с Н.А. Морозовым, шлиссельбуржцем. Он знал меня ребенком, качал на коленях — так как гимназистом и студентом был близок с моим отцом. [...] Узнав, что

я сын его старого знакомого, был тронут, обнял меня, поцеловал. Много говорил с моей матерью, вспоминал прошлое». Памятью нового знакомства стал инскрипт на втором томе собрания стихов «Пути и перепутья» (1908): «Николаю Александровичу Морозову на память о давних, давних днях, когда он качал на коленях будущего автора этой книги. Валерий Брюсов» (17).

Валерий Яковлевич вспоминал, что родители воспитывали его не только рационально, но в материалистическом и атеистическом духе. «Об идеях Дарвина и о принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножению. Нечего и говорить, что о религии в нашем доме и помину не было: вера в Бога мне казалась таким же предрассудком, как вера в домовых и русалок». Выступая с ответной речью на своем юбилее в Российской академии художественных наук 16 декабря 1923 года, он рассказывал: «Вся моя семья были именно шестидесятники. Первые мои впечатления в детстве — это портреты Чернышевского и Писарева, которые висели над столом отца и так и остались висеть до самой его смерти. Это были первые имена больших людей, которые я научился лепетать. А следующее имя великого человека, которое я выучил, было имя Дарвина. И, наконец, четвертое имя — Некрасова, поэзия которого была долгое время единственно знакомой мне поэзией. В доме нашем не было ни Пушкина, ни Лермонтова — я узнал их несколько позже, а стихи Некрасова я заучил с детства». Именно их он читал матери во время ее предсмертной болезни в 1920 году.

«Вот что было впечатлениями моего детства, вот что создало мое мирозерцание, мою психологию», — подытожил Валерий Яковлевич, добавив: «И я думаю, что какой она была в детстве, такой она осталась и до конца моей жизни». Эту фразу повторяли авторы популярных (а порой и научных) статей о Брюсове, стремясь выставить его последовательным материалистом, оторвать от «мистических туманов» символизма и объяснить его позднейшее сотрудничество с большевиками принятием их философии. Все, что не укладывалось в схему, — от юношеского увлечения спиритизмом до серьезных работ в области эзотерики и традиционных знаний — объявлялось недостойным внимания или замалчивалось.

Юности свойственно вольнодумство: в этом возрасте Владимир Соловьев, сын профессора и внук священника, отказывался ходить в церковь, а однажды выбросил из ок-

на икону. В гимназические годы Валерий Яковлевич тоже «не верил в дух и не ходил к обедне», о чем с доброй иронией писал в поэме «Краски»: «И я вспомнил, что *был* матерьялистом и позитивистом» (курсив мой. — *В.М.*). Отвечая самому себе — пятнадцатилетнему атеисту, которому «навсегда указал дорогу» Огюст Конт, — двадцатипятилетний Брюсов говорил:

«Безумец! — воскликнул я, — знай, что ты будешь верить!
Будешь молиться и плакать пред Знаком Креста,
Любить лишь то, где светит живая мечта,
И все проклянешь, что можно весить и мерить!»

Другое дело, что он никогда не был церковным человеком — любая церковность была чужда его духу — но создал ряд стихотворений на библейские темы, которые включались в антологии «душеполезного чтения», одобренные духовной цензурой. В отличие от многих символистов и их эпигонов, в его поэзии, при всем эпатаже, нет ни скрытого, ни тем более откровенного кощунства над религией. А вот как выглядит учение материализма в стихотворении «Истинный ответ»:

«Единенье атомов случайных —
Наша жизнь, смерть — распаденье их».
Рассуждает, фрак надев, о тайнах
Черт в кругу учеников своих.

Кому угодно доверил бы поэт, посвящавший стих «всем богам», свои заветные мысли, но только не «хитрому черту с профессорской осанкой»...

С переездом на Цветной бульвар в 1878 году Валерий впервые соприкоснулся с миром купечества: «типичный вид московской окраины, ничем не отличной от провинции» (18), — хотя родители всячески сторонились «темного царства», которое их сын четверть века спустя красочно описал в поэме «Мир»:

Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли,
Со сходами, припрятанными в трапах,
Картинки в рамочках на выцветшей стене,
Старинные скамьи и прочные конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свет незоркий...
Я помню: за окном, за дверью с хриплым блоком

Был плоский и глухой, всегда нечистый двор.
Стеной и вывеской кончался кругозор
(Порой закат блестел на куполе далеком).
И этот старый двор всегда был пуст и тих,
Как заводь сорная, вся в камышах и тине...

Брюсов начал рассказ фразой: «Я помню этот мир, утраченный мной с детства», — и пояснил: «Я берегу его — единое наследство / Мной пережитых и забытых лет» (курсив мой. — В.М.). Можно не сомневаться, что он это видел. Но какой отпечаток увиденное наложило на его личность, на его сознание?

Если воспринимать сказанное буквально, он вырос в амбаре. Так поступил Ю. Каменев (Л.Б. Розенфельд), автор первой марксистской статьи о поэте, в заглавии которой «О Ласковом Старике и о Валерии Брюсове» (19) использован ключевой образ этого стихотворения: «У поэзии Брюсова был “хозяин”, и хозяином этим был — амбар». Да, в «Мире» сказано: «И я дышал тем ядом, / И я причастен был твоей судьбе!» Однако ни одна из автобиографий, ни одно из мемуарных свидетельств не позволяют говорить о влиянии «амбара» и о его преодолении. Когда Максимилиан Волошин заявил об автобиографичности «Мира» применительно к дому Брюсовых, Валерий Яковлевич решительно возразил: «Поэма “Мир” говорит *вовсе* не о доме на Цветном бульваре; дом этот принял свой теперешний вид лишь за последние годы, а прежде был *иным*; детство мое прошло *не* в этом доме и т. д.» (20). Напостовский критик Г. Лелевич и через много лет утверждал, что «в поэме “Мир” [...] Брюсов дал несравненную по выразительности картину обстановки, *окружавшей его в раннем детстве* (курсив мой. — В.М.)». Источником вдохновения автора стала статья Каменева, из которой он заимствовал представление о «полусонном мечтателе, задыхающемся в пыльном амбаре, истомленном его могильной тишиной, оторванном от борющихся и создающих людей» (21). Марксисты явно перепутали Валерия Брюсова с Кузьмой Русаковым: от власти «дряхлого, ветхого мира» освободились уже родители поэта.

Материалистическое воспитание выразилось еще и в том, что Брюсов с детства был начитан в естественной истории и географии, а затем во всеобщей истории и увлекался популярными биографиями великих людей, вроде книги Гастона Тиссандье «Мученики науки». За ними последовала классика литературы для юношества — Жюль

Верн, Гюстав Эмар, Фенимор Купер, Майн-Рид. Яков Кузьмич «вывел откуда-то правило, что, в сущности, дети и взрослые должны читать одно и то же». Запойное чтение Жюль Верна произвело на Валерия «неотразимейшее действие», заставляя «леденеть от ужаса» и нередко доводя до истерик и ночных кошмаров. Родители отбирали слишком волнующие книги, но читать вместо них «Игрушечку» или «Детский отдых» мальчик уже отказывался. «С этого времени в своих играх я стал воображать себя то путешественником в неизведанных странах, то великим изобретателем. Очень любил я изображать летательный снаряд. Строил его из книг и деревяшек и летал с ним по комнатам. Столы и комоды были горы, а пол — море, где я часто и терпел крушения, попадал на необитаемый остров — ковер, жил по Робинзоновски и т. д. С этого же времени я стал мечтать о своей будущности как о будущем великого человека, и меня стало прельщать все неопределенное, что есть в гибком слове “Слава”».

Воспитать в юном Валерии поклонение «кумиру Пользы» не удалось, хотя в возрасте трех или четырех лет он проповедовал учение Дарвина во дворе дома Бари, «приводя в ужас няnek и гувернанток». Его увлекали не тычинки и пестики, не перспектива «резать лягушек», но дальние страны и великие люди. «Кажется, родители мои еще до моего рождения порешили, что их первенец будет необыкновенным человеком. По крайней мере, у меня самого было почему-то такое убеждение. Я с самых первых лет привык смотреть на сверстников свысока. Вероятно, способствовало этому то, что я рос среди взрослых и слышался от них много, о чем мальчики, мои ровесники, и понятия не имели. [...] Мальчики играть со мной не любили, тем более что мне хотелось первенствовать, а, по их понятиям, у меня не было для этого никаких преимуществ. Я предпочитал играть один и даже больше любил играть в комнатах. [...] Так рос я среди женщин и младших братьев, окруженный обожанием и поклонением, привыкший повелевать и всё устраивать по-своему, мечтающий о славе и победах». Дома, особенно во время игры в индейцев, он командовал младшим братом Колей и двоюродным братом Николаем Павловым (сыном маминой сестры Фаины), которого почему-то прозвал «Тонькой». Запоздалый контакт с реальным миром оказался тем более трудным.

Лето 1883 года Брюсовы проводили в Медведково, прельстившись дешевой дач, хотя, по уверению попу-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru